

Заключение

Формирование обновленного мира — процесс длительный, многомерный и многовариантный. Россия и Китай в настоящее время являются не только объектами трансформации, но и активными субъектами, влияющими на процесс переформатирования отдельных компонентов современной международной структуры, вносят свой вклад в процесс обновления и стабилизации, включая борьбу против мирового, трансграничного терроризма, реформирование институтов глобального управления, создание новых структур.

2018 год не только сохранил мировой раскол между Россией и Западом (прежде всего США и Великобританией), но и усилил его, привнес новые акценты противостояния. Американский президент *Д. Трамп* в серии выступлений как внутри страны, так за ее пределами, фактически бросил открытый вызов Китаю и России, публично назвав их угрозой американским интересам, экономике и ценностям. Официальные представители Пентагона заявляют о возможности нанесения превентивных ядерных ударов, получая дополнительные ассигнования на модернизацию ядерной триады — межконтинентальных ракет, дальней авиации и ядерных подводных лодок.

В современной трансформации просматривается целый ряд относительно *новых признаков и явлений*, не наблюдавшихся в более ранние периоды «классических» противостояний СССР и США.

Во-первых, нынешнее противостояние основано на геополитических амбициях США и желании либо экономическими, либо военно-политическими средствами удалить с мировой арены основных соперников в лице Китая и России, восстановить глобальную (экономическую, военно-политическую, идеологическую, ценностную и пр.) монополию, существовавшую в начале 1990-х гг. Ядерное оружие постепенно утрачивает функцию сдерживания и рассматривается как орудие поражения противника.

Китай отошел от мировоззренческих дискуссий и не ведет критику капитализма с позиций идеологии социализма, как это было во второй половине XX в. Пекин пытается перевести диалог с Вашингтоном в иное русло — совместное обсуждение новых тенденций современного мира, повышение уровня доверия и внедрение принципа реального равенства, на которые США не идут как в силу традиционной ментальности, так и по причине постепенного отставания своего развития относительно темпов роста Китая, желания вернуть мировое лидерство.

Несмотря на протекционистские и изоляционистские заявления *Д. Трампа*, характер дальнейшей трансформации международных отношений будет, скорее всего, и дальше развиваться в противоречивых и конфликтных категориях. К сожалению, содержание этой конфликтности отчасти напоминает балансирование мира в эпоху Карибского кризиса 1962 г., в котором мировое сообщество, как известно, находилось всего 12 дней. Временные же рамки нынешнего состояния никто точно не определит, кроме констатации его длительного развития.

Во-вторых, особенностью трансформации является переход оппонентов Китая и России от «мягкого давления» (периода президентства *Д. Буша и Б. Обамы*) к более жесткому, агрессивному, реализуемому нынешним президентом *Д. Трампом*, за рамками действующего международного права. Причины этой эволюции хорошо известны и связаны как с внутриамериканскими проблемами взаимоотношений президента и политического класса, так и личностью самого президента.

В официальных выступлениях Председателя КНР *Си Цзиньпина* все рельефней обозначена тема пределов, за которые Китай не станет отступать в случае дальнейшего ухудшения ситуации. Китайский руководитель заявляет о «надлежащих правах» и «коренных интересах» Китая, жертвовать которыми недопустимо. «Ни одна зарубежная страна, — заявляет он, — не должна надеяться на то, что мы будем вести торг по поводу наших собственных коренных интересов...»¹

В-третьих, принципиально новым явлением стало решение китайского руководства о переходе во внешней политике к принципу

¹ *Xi Jinping*. to co-ordinate better domestic and international situation, to solidify foundations for following the path of peaceful development // Xinhua. 29.01.2013. Beijing (In Chin.). URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0130/c64094-20368861.html> (дата обращения: 28 августа 2017 г.).

принятия *глобальной ответственности* и разработки собственной глобальной повестки. В 1990-е гг., как известно, доминирующей тенденцией для Китая было противостояние западному давлению/влиянию, при этом одновременно демонстрировалось умелое использование экономических плодов западной глобализации, стимулирующей быстрый рост и либерализацию отдельных секторов китайской экономики. Китайское общество было мобилизовано на внутренние успехи реформ на фоне роста патриотизма и сплоченности нации в условиях начавшегося давления Запада. При этом внешнеполитическая повестка Китая базировалась на жестком «нет» любым попыткам США или ЕС начать процесс политической либерализации системы КНР («цветные революции» и пр.), а также желанию США разделить глобальную ответственность и управление миром (версия «Большой двойки», 2009 г.) с Китаем. Расчет Вашингтона и Брюсселя просматривался достаточно четко — на волне успешных китайских реформ следует убедить Пекин взять на себя неподъемную ношу обязательств и таким образом замедлить экономический рост. Китайское руководство того времени мягко отклонило американские предложения, что явно обидело тогдашнего президента США *Б. Обаму*.

После прихода к власти «пятого поколения» под руководством *Си Цзиньпина* (2012), на фоне появившихся лозунгов о «великом возрождении китайской нации», Китай радикально меняет свои подходы и в отношении глобальной ответственности, и в отношении собственного места в *системе глобального управления*. Председатель КНР достаточно четко сформулировал идею перехода Китая к активному стратегическому мышлению и действию, предполагающему позиционирование КНР как ответственной державы за судьбы мира и развития, как державы, проводящей в жизнь собственную версию «глобального управления».

Китайская версия не связана с политическим вмешательством, но сосредоточена на экономических вопросах, стремлении повысить свою роль в мировых финансовых структурах, на защите собственных интересов и интересов развивающихся стран при формировании тех или иных глобальных повесток развития. На саммите «Двадцатки» (G-20) в Ханчжоу (2016, КНР) китайский руководитель призвал к созданию мировой экономики открытого типа, дальнейшей либерализации в торгово-инвестиционной сфере. Эта версия была вновь им озвучена на Экономическом форуме в Давосе в 2017 г. Китайский лидер говорит об укреплении позиций КНР в глобальном управлении, о необходимости формирования Китаем

новых норм и расширении пространств глобального управления — моря, полярные территории, Интернет, открытый космос, ядерная безопасность, борьба с коррупцией, изменение климата. Очевидно, что китайская версия выходит за рамки чисто экономической тематики, включая попытку реализации китайской концепции разделения ответственности между США и КНР.

Китайское руководство пересматривает свой подход к отвергнутой им идее совместного с США управления миром, разрабатывая стратегию вовлечения Америки в свой вариант разделения глобальной ответственности в форме принятия Пекином и Вашингтоном принципов формирования «*отношений нового типа*» между большими государствами (США и КНР), разработанными в недрах высших китайских структур.

Суть этих принципов — ликвидация конфронтации и конфликтов, взаимное уважение, поиск взаимовыгодных решений. Именно это было предложено госсекретарю *Р. Тиллерсону* в Пекине 18 марта 2017 г. на одной из официальных встреч. Американский госсекретарь дословно повторил *четыре принципа* китайской версии, что было обусловлено либо проявлением неосведомленности США о китайских дипломатических уловках, либо намеком на возможность сближения двух стран после китайских уступок по проблеме Северной Кореи. Однако формальное повторение китайской позиции не означало готовности США принять смысл, который в них вкладывает китайская сторона².

В-четвертых, жесткие процессы обновления и трансформации объективно влияют на эволюцию сложившегося в 1990-е гг. российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия. Принципиальным в ней является сохранение внешней формы и качественное изменение/наполнение внутреннего содержания партнерства.

Внутренняя эволюция *российско-китайского партнерства* связана с координацией национальных стратегий развития и безопасности, включая двусторонние и многосторонние (БРИКС, ШОС) повестки. Очевидно, что при серьезной экономической асимметрии между Россией и Китаем эта координация не может быть механическим сложением потенциалов. Речь, скорее, идет о сложившемся механизме взаимного дополнения совокупных потенциалов, в котором Российская Федерация имеет явное превосходство в военно-стратегическом компоненте, а Китай — экономико-технологическом.

² Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики. С. 11.

Важную роль в этом дополнении играют личности руководителей двух государств, их огромный политический ресурс и влияние как внутри страны, так и за ее пределами. Институционально, как регуляторы обновленной модели, особенно на экономических треках, дополняет блок профильных (двусторонних) межправительственных комиссий и комитетов.

Выстроенная модель не идеальна и имеет отдельные «нестыковки» и противоречия в региональных, финансовых или технологических сферах сотрудничества, что является объективным явлением, когда при близком взаимодействии двух больших и разнородных систем неизбежно возникают «зазоры» и отдельные проблемы отношений. При этом высокий уровень доверия и взаимная/долговременная стратегическая заинтересованность друг в друге позволяет купировать либо консервировать отдельные противоречия. Базовые принципы партнерства, как известно, были зафиксированы в Большом договоре России и Китая 16 июля 2001 г., позволившем политически сформировать *долговременный баланс интересов* на взаимную модернизацию, развитие и безопасность. Договор сохраняет для каждого свободу в отношениях с третьими государствами, не являясь союзничеством, по интенсивности и эффективности практически во многом его превосходит, выступая в качестве самостоятельной геополитической силы, сдерживающей потенциальных противников.

Важным моментом, обусловленным реалиями сегодняшнего дня, является сознательное расширение Россией и Китаем функционала партнерства — введение и реализация вопросов глобальной и региональных повесток (расширения взаимодействия в СБ ООН, координация в сирийском, корейском, иранском и других вопросах). В настоящее время можно говорить о новом качестве партнерства — сформированной *«стратегической устойчивости»* двух стран на длительную перспективу. Не исключено, что существующие реалии, вызовы и достигнутые (де-факто) результаты могут быть утверждены (де-юре) в новом Большом договоре о стратегическом партнерстве двух стран, к которому стороны придут в ближайшее время в условиях меняющейся международной обстановки и обостряющихся угроз для обоих государств.

Для России и Китая ближайшее пятилетие станет самым серьезным вызовом за всю историю их существования. Не исключено, что в условиях возникновения форс-мажорных обстоятельств, связанных с угрозами национальной безопасности для России и КНР, Москва и Пекин теоретически могут пойти на создание некоего

военно-политического союза, хотя в настоящее время в этой плоскости вопрос пока не стоит.

Результатом эволюции партнерства является сформированная широкая «евразийская повестка», которая содержит как двустороннее российско-китайское измерение, так и коллективный формат в рамках «сопряжения» Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Один пояс, один путь». При этом китайский подход на евразийском направлении претерпел определенную эволюцию. На начальном этапе (2014) Китай рассматривал свою инициативу как комплексное предложение заинтересованным странам континента по созданию транспортных коридоров, зон совместного экономического развития, соединение инфраструктуры с торговлей, активизацию финансовых связей, но вне контактов с Евразийским экономическим союзом (тогда Таможенным союзом) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Скорее речь шла о планах Пекина на «параллельное» развитие.

В результате серии российско-китайских двусторонних, а также многосторонних контактов был достигнут важный политический результат. 8 мая 2015 г. в Москве китайская сторона официально поддержала усилия российской стороны по продвижению интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и начала переговоры о заключении с Российской Федерацией соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве — «сопряжении» двух стран в рамках взаимодействия ЕАЭС и «Одного пояса, одного пути»³.

На форуме высокого уровня «Одного пояса, одного пути» 15 мая 2017 г. в Пекине эволюция китайского подхода продолжилась — появились глобальные идеи объединения группы стран, участвующих в реализации инициативы, под лозунгом общего взгляда на безопасность, совместного решения «горячих проблем». *Си Цзиньпин* подчеркивает возможности получения всеми участниками «взаимного выигрыша» при формировании зон открытости, экономического роста и инноваций. Расширяется спектр китайских предложений, включающих, кроме инфраструктуры и инвестиций, сотрудничество в развитии цифровой экономики, искусственного интеллекта, нанотехнологий, квантовой вычислительной техники.

³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

Активно обсуждаются в различных форматах варианты создания зон свободной торговли (ЗСТ).

В *евразийской повестке Китая* просматривается прагматичный, функциональный подход — через экономико-технологические новации и инфраструктурные предложения укрепить в Евразии азиатскую интеграцию в китайской версии. При этом логика инициативы «Один пояс...» отличается от известного европейского проекта «Объединения угля и стали», возникшего после Второй мировой войны в Европе, ставшего, как известно, основой политико-экономической интеграции, прообразом Европейского союза (ЕС). Китайская инициатива основана на сохранении и приоритете национальных суверенитетов всех участников, учете национальных интересов и больших, и малых государств, сохранении цивилизационных различий и ценностей.

Россия в развитие процесса «сопряжения» представила свою евразийскую версию формирования *Большого евразийского партнерства* (БЕП), с которой полностью согласен Китай. В эти инициативы вписывается казахстанский *«Светлый путь»* и проекты создания трехсторонних экономических коридоров *«Россия — Монголия — Китай»*. Очевидно, что совместное освоение евразийского пространства — это долговременный и противоречивый процесс освоения Евразии, расширения зоны российско-китайской «стратегической устойчивости», вбирающий в себя широкий спектр сотрудничества в транспортно-экономических, гуманитарных областях и сферах безопасности, включая совместное противодействие международному экстремизму и терроризму на континенте.

Набирает обороты процесс формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в плане расширения партнерства от Европы до Юго-Восточной Азии (ЮВА). В 2016 г. впервые в истории импорт в ЕАЭС из стран региона Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) превысил импорт из Европейского союза (ЕС). В том же году вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом; с правительствами Монголии, Камбоджи, Сингапура началось сотрудничество в формате меморандумов. Для России инициатива создания Большого евразийского партнерства — способ перехода к стратегии опережающего развития путем форсированного создания производств нового технологического цикла и институтов нового мирохозяйственного уклада. В этом случае Россия и ЕАЭС могли бы претендовать на полноценное участие в новом центре мировой экономической системы.

Процесс формирования Большого евразийского партнерства предполагает не только продвижение китайской инициативы «Один пояс, один путь», но и экономическое и инфраструктурное наполнение повестки расширенной *Шанхайской организации сотрудничества* (ШОС) после саммита Организации в Астане 2017 г.

Создание Банка развития ШОС представляет потенциальные выгоды для России, поскольку Банк должен стать финансовым институтом, оказывающим поддержку преимущественно инфраструктурным объектам, которые в перспективе могут обеспечить высокий уровень проектной помощи в рамках ШОС. КНР обладает наибольшими финансовыми ресурсами в рамках Организации, при этом Пекин готов предоставлять кредиты странам — участникам, постепенно вытесняя доллар во взаимных расчетах и наращивая свой авторитет в Организации. С принятием Индии в полноправные члены финансовый перевес в сторону Китая может быть отчасти смягчен, поскольку взнос Дели в планируемый банк, равный китайскому и российскому, автоматически исключил бы возможность одностороннего доминирования.

Ключевым направлением *двустороннего российско-китайского экономического взаимодействия* остается сотрудничество в сфере *энергетики*. В 2017 г. Россия сохранила за собой первое место по поставкам нефти в Китай. В ближайшие годы поставки нефти будут расти, что потребует дальнейшего расширения транспортной инфраструктуры. В ноябре 2017 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация завершила строительство второй ветки нефтепровода из России в Дацин, которая позволит увеличить экспорт трубопроводным транспортом в два раза — до 30 млн т в год. В целях поддержки роста поставок нефти в КНР Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России в 2018 г. снизит на 16,7% тариф для транспортировки нефти в Китай через Казахстан.

Важными направлениями сотрудничества стали в 2018 г. *сельское хозяйство* и поставки продукции агропромышленного комплекса. Китай снял с России ключевые ограничения на экспорт мяса и зерна. Российским компаниям предстоит жесткая конкурентная борьба за долю на рынке, поскольку в Китай давно и успешно осуществляются поставки бразильских, канадских и американских мясопроизводителей. Существует и собственное (китайское) производство.

Инвестиционное сотрудничество традиционно сконцентрировано в сырьевых секторах. С введением санкций в отношении России китайские банки не всегда пропускали российские платежи. В сентябре 2017 г. Банк России достиг соглашения с Народным банком

Китай (НБК) об осуществлении операций между финансовыми структурами двух стран в нормальном режиме, что привело к снятию искусственных барьеров и улучшению межбанковского сотрудничества в 2018 г.

Китайские инвесторы в 2017 г. стали главными иностранными участниками проектов в территориях опережающего развития (ТОР) в России по объему выделенных средств. Они были представлены на ТОР «Кангалассы», «Хабаровск», «Приамурская», «Надеждинская» и «Амуро-Хинганская». В числе новых крупных российско-китайских проектов на Дальнем Востоке выделяются совместное производство и дистрибуция грузовиков китайского автопроизводителя ФАВ в Приморском крае, а также ввод в строй завода по производству панелей на ТОР «Амуро-Хинганская» в Еврейской автономной области.

Таким образом, оба государства, являясь постоянными членами СБ ООН, имеющими колоссальный опыт участия в глобальном управлении и решения сложных политико-дипломатических проблем, стали важными элементами противоречивых процессов современного международного развития. С каждым годом они все активнее входят в процессы глобального регулирования международных отношений, выступая в качестве стабилизаторов растущего хаоса и непредсказуемости современного мира.